

Наталья Нестерова

Укус змеи



Мужчина не прощает,
он забывает, а женщина —
она всё прощает, но никогда не забывает

Наталья Нестерова
Укус змеи (сборник)

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Укус змеи (сборник) / Н. Нестерова — «Издательство АСТ»,
2010

ISBN 978-5-17-114955-0

Все начитанные барышни знают, что любовь — это «солнечный удар», но для некоторых судьба готовит «укус змеи». Да-да, самой настоящей змеи, натуральной гадюки! Зайдешь иной раз в престижный ночной магазин, чтобы побаловать себя деликатесом, тут-то сюрпризы и начнутся!.. Так происходит с одними, а с другими... Бойтесь тайных желаний, в один прекрасный день они могут исполниться! Примерный семьянин Михаил Александрович Кутузов влюбился в свою аспирантку — сильно, негаданно и потому еще более волшебнее. Жена? А при чем тут жена? Он собирает вещи и уходит к юной подруге. Но второй медовый месяц и разница в возрасте приносят не только радость, но и досадные огорчения. Вот бы омолодиться! Знал бы Михаил Александрович, к чему может привести осуществление такой мирной, в общем-то, мечты, не спешил бы обмануть время!..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114955-0

© Нестерова Н., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Обратный ход часов	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Нестерова

Укус змеи

Сборник

Обратный ход часов

Роман

Ольге Семеновой, источнику мудрого жизнелюбия

Глава 1

Кутузов шел домой

Михаил Александрович Кутузов шел домой. «Только бы Танюша не пекла пироги», – думал он.

Татьяной звали его жену, с которой они недавно отметили серебряную свадьбу. Последние годы Танюшка стала главным добытчиком в семье. Доходы жены в риелторской фирме существенно превышали педагогический заработок Михаила в институте. Татьяна, по характеру боец, к работе относилась как к сражению. Но изредка вспоминала про «тыл», что она жена, и мать, и хозяйка. В такие моменты пекла пироги – с капустой, с картошкой, луком и грибами, расстегаи с рыбой.

Сегодня пироги были бы нестати. Михаил шел сдаваться – признаваться в том, что полюбил другую женщину и уходит из семьи. Огорошить жену в момент ее «тыловых» подвигов Михаилу казалось особенно неприятным. Хотя что значат пироги в сравнении с кардинальными жизненными перестроениями? Миша так и думал – «перестроения», избегал даже мысленно более жестоких формулировок. Миша был счастливо, бравурно влюблен, а потому эгоистически глух к чужой боли. Хотя Танюшка не чужая. Родная, знакомая до кончиков ногтей...

«Ногти принято отрезать», – подумал Михаил. В голову лезли тематически отвлеченные мысли – про пироги, ногти... А еще он представил себя (всегда отличался богатым воображением) странным яйцом. Большой-большой желток, покрытый скорлупой (в этом странность), а сверху тонкий слой белка. Желток в броне – их с Раисой любовь, белок стекающий – отношения с бывшей (уже бывшей!) женой.

Михаил решил уйти из семьи, потому что не вынес гнета двоеженства. Он высоко ценил душевный комфорт, а вранье и лукавство комфорта лишали. Не получалось у Михаила, как у других мужиков, найти точку равновесия между женой и любовницей, балансировать, доставляя удовольствие обеим. Стыдно было перед Татьяной: вот она склонилась над гладильной доской, утюжит его сорочки, напоминает про лекарство от давления, которое после лекций следует выпить, а он вовсе не в институт собирается идти, а на свидание с Раей. И про таблетки вряд ли вспомнит после радостных актов любви.

«Не о том я! – корил себя Миша мысленно. – Не отвлекайся! Продумай, что скажешь Танюше. Извини, я полюбил другую женщину, я ухожу». Зачем-то пересчитал слова в последней судьбоносной фразе. Семь слов. Если убрать местоимение «я», получится пять. Что лучше – семь или пять? Может, приготовить длинный текст в семь абзацев? Нет, и три абзаца не сочинить.

Михаил трусил, и более всего ему хотелось избежать предстоящего разговора. Невольно мечтал: как было бы славно, исчезни Татьяна куда-нибудь. Упаси бог, умирать ей рано! Просто растворилась бы волшебным образом, унеслась за горизонт. А дочери он сумеет все объяснить. Светланка уже большая, двадцать два года скоро исполнится. Упорхнула из дома, поступила в Москве в университет. У нее своя жизнь, в последние каникулы только три дня провела дома, потом с друзьями отправилась путешествовать по Прибалтике. Татьяна оплатила... Без ее заработков теперь придется обходиться... Отвык. Ничего! Можно вспомнить старое время, заняться репетиторством...

Его мечты были грубо прерваны звуком рвущейся ткани. Экая незадача! Не заметил торчащий сук, на который с ходу напоролся карманом, и порвал пальто.

«Не забыть попросить Таню, чтобы зашила», – привычно себе напомнил.

Пирогам в доме не пахло. Но стол был накрыт в гостиную. Почти праздничный: бутылка коньяка, хрустальные рюмки, парадные тарелки и купленные в кулинарии, то есть прихваченные Татьяной по дороге с работы, закуски. Корейская морковь, салат оливье, рыбная нарезка, буженина с чесноком.

Татьяна сидела на диване, дремала. Михаил прошел в комнату, не раздеваясь, только сменил ботинки на тапочки.

– Что ты так долго? – очнулась жена и потрясла головой, прогоняя сонливость. – Заждалась. Раздевайся скорее, будем праздновать.

– Танюша, я пальто порвал. Зашьешь?

– Конечно. Удачно, по шву, – ответила она, рассматривая прореху, – будет незаметно. Ну, айда за стол! На горячее твои любимые зразы, в духовке томятся.

Михаил снял пальто, вымыл руки и сел за стол.

– По какому поводу коньяк? – спросил он жену, наливавшую в рюмки.

– Сегодня подписали последние бумаги. Все! Теперь я единоличная хозяйка фирмы. Ух, мамочки, страшно мне! За процветание нашего бизнеса! Тьфу, тьфу, – суеверно поплевала через плечо. – Выпьем! – стукнула своей рюмкой о мужнину. Сложила губы трубочкой и втянула грамульку коньяка.

Она всегда пила спиртное как горькое лекарство, задержав дыхание, преодолевая отвращение в угоду народному ритуалу.

Татьяна умудрялась одновременно накладывать в тарелку мужу и в свою, жевать, подробно, с повторами рассказывать события сегодняшнего дня и подкреплять слова жестами.

Десять лет назад Таня, экономист по образованию, решила на отчаянно смелый шаг – бросила работу в строительном управлении и перешла в риелторскую фирму, которая принадлежала Виктории Сергеевне Павленко. В советские времена Виктория Сергеевна возглавляла бюро по обмену квартир, поэтому новый для большинства маклеров бизнес был для Виктории знаком до тонкостей. Не один год она подпольно трудилась как «черный маклер», то есть специалист по взаимовыгодному обмену с большими комиссионными. Правда, теперь размен квартир осуществлялся не путем обмена, а через куплю-продажу. Но эти финансовые тонкости – мелочь в сравнении с наукой доказать человеку, что подобранная ему квартира – то, о чем он мечтал всю жизнь.

Татьяна, отчасти с перепугу – боялась оскандалиться на новом поприще, отчасти благодаря природной хватке и трудолюбию, за пять лет прошла путь от рядового сотрудника до заместителя Виктории Сергеевны. У той был характер не слаще перца, но Татьяна сумела выстроить отношения и доказать свою незаменимость.

Виктории Сергеевне исполнилось семьдесят пять лет. Последние годы она часто болела и фирмой практически руководила Татьяна, умножая богатство патронессы. Хотя Виктория Сергеевна уже потеряла трудовой азарт, содержание сахара в крови и регулярный стул ее волновали более проблем фирмы, она точно рассчитала время своего ухода со сцены. Еще месяц-

два – и Татьяна взбунтовалась бы. Сколько можно трудиться на тетю? Не открыть ли свое дело? Авторитет, клиентура, посредники и смежники – все есть, ее знают и уважают, значит, перетекут в новую, Татьянину, фирму. И тут Виктория сделала предложение, которое требовало внимательного рассмотрения. Виктория предложила продать ей, Татьяне, свою фирму. Не дешево, но расплачиваться в течение десяти лет и без процентов.

Две недели, советуясь с мужем (который слушал ее вполуха, озабоченный своими амурными делами), Татьяна взвешивала «за» и «против». Решила купить фирму, потому что старый бренд сам по себе имеет цену, до которой новичку на рынке еще шагать и шагать. Да и неожиданно замаячила большая удача. На их областной город вышла столичная строительная компания. Они обещали заключить договор на исключительные права Татьяниной (уже Татьяниной!) фирмы по продаже новых квартир. Взамен просили содействия в проведении бумаг через местную администрацию – землеотвод, разрешение на строительство и прочее.

Сегодня днем Таня подписала бумаги, по которым стала единственной владелицей фирмы. В данный момент (собирая тарелки после закусок) рассуждала о том, что нынешнего мэра не переизберут, поэтому он будет неумен в аппетитах (читай – во взятках). Но и у нового клюв раскроется будь здоров! Хотя формально на взятки пойдут не Татьянины деньги, а застройщиков, она считала своим долгом минимизировать траты партнеров.

– Танюша! Я хотел тебе сказать... – вклинился в ее монолог Михаил.

– Подожди, сейчас горячее принесу, – остановила его жена и ушла на кухню.

Михаил с тоской огляделся по сторонам: он больше не увидит этой мебели, этих штор, света хрустальной, очень Танюшкой любимой люстры, не вдохнет привычный запах квартиры, где выросла дочь, и хотя ее здесь нет, ноздри почему-то улавливают запах наутюженных детских пеленок, и типографский – от новых школьных учебников, и первых Светкиных духов, на которые она копила, отказывая себе в завтраках... Михаил был отчасти романтиком, и ему взгрустнулось...

– У тебя такое лицо, – Татьяна поставила перед ним тарелку со зразами, политыми соусом, – будто плакать собрался. Не бойсь! Прорвемся! Так вот, мэр...

– Таня! Я полюбил другую женщину. И ухожу к ней... от тебя... насовсем... Извини, пожалуйста!

Она ничего не поняла. Решительно! Точно муж произнес фразу, состоящую из русских, но совершенно не сочетающихся слов. Ведь смысл им сказанного нужно было воспринять на какой-то другой платформе. Не на той, где базируется Виктория Сергеевна, мэр, столичные строители, проблемы реорганизации фирмы – все, чем была занята Танина голова последние часы, дни, месяцы... Да что там! Годы!

Это было как перенос в пространстве: вот ты, тепло одетая, на снежном поле... бац – и оказалась в тропических широтах, на палящем зное... Тане стало очень жарко. Она почувствовала, что покраснела, выступил пот на лбу, стали влажными спина и подмышки.

Михаила слегка напугали ее пунцовое лицо и обескураженное молчание. Татьяна разом подурнела и постарела. А ведь еще несколько минут назад, слушая (и не слушая) речи жены, наблюдая за ее жестикуляцией с вилок и ножом, он думал: «Танька по-прежнему красивая женщина! Очень даже! Хотя Раиса, конечно... не сравнить. Молодость есть молодость. Славно, что Татьяна не потеряла форму. Будет легче устроить свою жизнь...» Искренне желал Татьяне женского счастья, и при этом его почему-то не радовала перспектива увидеть рядом с ней какого-нибудь ловкача-бизнесмена или даже интеллигента-бессребренника.

– Соберу свои вещи, – то ли поставил перед фактом, то ли попросил разрешения Михаил и поднялся из-за стола.

Татьяна, задыхаясь от жара, молча проводила его взглядом.

– Нет, мне послышалось! – проговорила она вслух и рванула за мужем в спальню.

Там Миша вынимал из шкафа свою одежду и складывал в чемодан. В распахнутом на две половины, лежащем на кровати чемодане было что-то радостное, отпускное...

– Миша! – позвала Татьяна. – Что происходит? Ты куда? В отпуск, в командировку?

– Я тебе сказал. Зачем повторять, драматизировать ситуацию?

– А что ты мне сказал? Нет уж! Повтори!

– Я ухожу к другой женщине.

– Почему? – глупо спросила Таня.

– Потому что люблю ее.

– Как это?

– Натурально, пламенно, всей душой. Не знаешь, где моя голубая сорочка в мелкую полоску?

– В грязном белье. Какая еще сорочка! Миша! Успокойся! Давай я повторю, что ты сказал? Ты поймешь, какая это ересь! Ты сказал... – Татьяна нервно хохотнула, – что уходишь от меня к другой женщине. Умора!

– Правильно. Рад, что тебя это веселит.

– Совершенно не веселит! Да я сейчас с ума сойду! Нет, это ты чокнулся! Заболел! Сбрендил!

– Таня, я попросил бы не устраивать душераздирающих сцен.

– Мишенька, может, у тебя давление? Вдруг опять гипертонический криз? На его фоне шарики за ролики закатились.

– Давление абсолютно нормальное. Таня, пойми меня! Я люблю другую женщину!

– Не понимаю! – чуть не плача произнесла Татьяна. – А я?

Она хотела закричать: «А меня ты не любишь?» Но даже в этот момент крайнего эмоционального напряжения сообразила, что так спрашивать неправильно. За двадцать пять лет их любовь заметно поистрепалась, размылась, и сравнивать нужно не теперешнюю силу чувств, а его прежнюю к ней, Татьяне, и новую – к страшной подлой женщине.

– Ты ее любишь больше, чем любил меня, когда мы поженились? – спросила Таня.

Вопрос поставил Михаила в тупик, ему в голову не приходило заняться подобными аналогиями.

– Так нельзя сравнивать, – буркнул он и замер со связкой галстуков в руке.

Сознание услужливо, точно кассету вставили в магнитофон, напомнило чувственные мелодии молодости: его страхи и трепет, ее волшебное согласие, их страсть, которой не было утоления. Однажды приехали в деревню к деду. Хотели спрятаться от чужих глаз, в горенке на деревянной кровати с периной круглосуточно предавались любви.

– Ох, Михайло! – сказал дед, прощаясь через неделю. – Ну и здоров ты, кобель! Небось завалишь свою Татьяну на сугроб, так и снег под вами закипит. Радуйся, пока можется.

Татьяна расценила секундное замешательство мужа как колебание в правильную сторону.

– Вот видишь! – воскликнула она. – Ты не можешь уйти! Потому что... потому что... – Она не могла подобрать правильных, значимых, единственно верных слов.

– Потому, что кончается на «у», – усмехнулся Миша.

Этой присказкой он отделялся от назойливых вопросов дочери, когда та была маленькой. Михаил зло швырнул галстуки в чемодан, они легли пестрым змеиным клубком.

– Помнутся, – вырвалось у Тани. – Расправь, галстуки ведь не утюжат. Господи, что я говорю! Миша! Родной! Одумайся!

– Извини, – протиснулся мимо нее Миша. – Я тебя глубоко уважаю, ты мать нашего ребенка, и вообще... – Слова давались ему с трудом, каждое приходилось тащить наружу с усилием, да и неправильными они были, холодными и пустыми. – Уважаю, – повторил он, – а люблю другую женщину.

– Хорошо, что не мужчину, – огрызнулась Таня.

Ее обидело Мишино «уважаю». Когда человек не может ответить на любовь, он подсовывает неравноценный заменитель – уважение. Вместо главной роли в пьесе – билет на галерку. Еще бы не уважать жену, которая тебя холила и лелеяла четверть века! И не пламенной страсти Татьяна требовала, страсти давно улеглись. А элементарной товарищеской дружеской порядочности. Бросить того, с кем продрался через годы испытаний, нужды, болезней, кто имеет общие с тобой воспоминания о поражениях и победах, с кем вырастили ребенка и готовились к теплой старости друг у друга под боком – как это называется? Подлостью и предательством! Но ведь Миша не предатель, и подлости у него ни крупинки! Нельзя представить, скажем, что они долго плыли в одной лодке, заботились об ее уюте и комфорте, а потом соседним курсом возник чужой ботик и Миша на него перепрыгнул. Глупость, да и что Таня одна в лодке будет делать? Вот уж воистину – седина в бороде...

Пока Татьяна размышляла, Миша в ванной копался в грязном белье, доставал из ящика свое нестираное. Ему было неприятно, брезгливо морщился. Естественно, что белье вперемишку. Приходилось отделять свои трусы от Таниных, свои майки от ее бюстгалтеров, сорочки – от блузок, носки – от колготок. В сортировке грязного белья Миша, со свойственной ему способностью давать определения мгновениям жизни, увидел символ окончательного разрыва со старой семьей.

– Не пущу! – Татьяна стояла в проеме спальни. Руки в стороны развела, грудь вперед, на лице готовность к драке. – Ты не посмеешь уйти!

Получалось нелепо – Таня загораживала проход в спальню. Логичней было бы держать оборону двери в квартиру.

Миша пожал плечами, развернулся и пошел на выход. Он покинул дом с узелком грязного белья.

«Карман-то ему не зашила!» – первое, что пришло в голову Татьяне, когда за мужем захлопнулась дверь.

В случившееся по-прежнему не верилось. Немыслимо, чтобы ее жизнь после двадцати минут глупого спектакля перевернулась! Муж пошутил, разыграл, дурачился. Он обязательно вернется, придет, никуда не денется!

Татьяна бросилась разбирать чемодан, возвращать вещи на место. Ее руки дрожали, шелковые галстуки скользили, падали на пол. Пустой чемодан не хотел возвращаться на антресоль, полз обратно. Таня сражалась с чемоданом с таким упорством, словно от победы над этой бездушной вещью зависела судьба.

Потом Татьяна нервно ходила вокруг обеденного стола в большой комнате. Наматывала круги, смотрела на часы. Когда же Миша вернется? Десять минут девятого, двадцать, тридцать... Ровно в девять она замерла, сообразив, что почти час кружит как безумная. И Миша не придет! Он ведь так и сказал!

Тане казалось, что она бурно рыдает. Но на самом деле, свернувшись калачиком на диване, она тоскливо выла и скулила, как выброшенный на улицу щенок. Заставила себя подняться, выпила тройную дозу успокоительных капель.

Легла в покинутую супругом постель и долго ворочалась, одинокая и несчастная. То ли в бреду, то ли в полусне казалось, что кровать кишит змеями, похожими на шелковые галстуки мужа. Змеи подбирались к Татьянинному горлу, обвивали, хотели задушить. Борьба с пестрыми гадами утомила. И под утро Таня, неожиданно забыв про главное горе своей жизни, вдруг испугалась тому, что не выспится, что после бесслезных рыданий и бессонной ночи лицо ее будет похоже на сваренную неделю назад картошку в мундире. А завтра, то есть уже сегодня, ей предстоит несколько встреч-переговоров, на которых требуется выглядеть на все сто. Прийти распустехой на переговоры для Татьяны то же самое, что дирижеру выйти на концерте в подштанниках. «К чертовой бабушке! – послала кого-то Татьяна. – Убирайтесь вон! Я должна

поспать два часа. Всем молчать!» – и через секунду ухнула в черный провал глубокого, без сновидений сна.

Глава 2

Случись трагедия у Лизаветы

Случись подобная трагедия в жизни Лизаветы, ближайшей подруги Татьяны, ученики младших классов были бы в восторге. Потому что их учительница пения Елизавета Петровна не вышла бы на работу. Не приведи господи, муж Коля оставил бы Лизавету! Она валялась бы пластом на диване, со взором в потолок, не ела, не пила – пока не погибла бы, завянув от бескормицы.

Татьяна не могла себе позволить эгоистично упиваться горем. Слишком много людей – их судьбы, зарплаты, благополучие семей – были связаны с ее работой. Плотная занятость имела и положительный аспект – в течение трудового дня Тане некогда было размышлять о семейных проблемах. На служебные времени не хватало.

Она приняла стратегическое решение: никому ничего не рассказывать, не афишировать, ни с кем, кроме Лизы, не делиться. Возможно, тревога ошибочная, и за ложную сирену Миша еще получит!

Но в конце дня позвонила Виктория Сергеевна:

– Говорят, от тебя муж ушел?

Татьяна не имела понятия, кто донес, но совершенно точно знала, по какому каналу пришла информация. По телефону. Если убрать из суток восемь часов сна и два часа на прочие физиологические нужды, то остальное время Виктория Сергеевна проводила с телефонной трубкой у уха. Она постоянно кому-то звонила, ей названивали, записная телефонная книжка Татьяниной начальницы была объемом с энциклопедический словарь. Виктория Сергеевна Павленко знала много и обо всех значимых городских фигурах. Вздумай она вести бумажные досье, ей давно бы ускорили отход в мир иной.

Вместо того чтобы отвести душу, поехать плакаться подруге Лизавете, Татьяна отправилась к бывшей начальнице.

За десять с лишним лет, которые Татьяна знала Victорию Сергеевну, фигура последней мало изменилась. Если представить каучуковую бочку, в нескольких местах перетянутую жгутом – на месте как бы шеи, в районе как бы груди, в области вроде талии, – сверху на бочку поставить маленькую головку, а внизу две коротенькие ножки на заметном расстоянии друг от друга, то мы получим контурный эскиз Виктории Сергеевны.

Только не надо думать, что Виктория обделена женским счастьем. Она имела его с лихвой. Дважды выходила замуж, четверо прекрасных детей, шестеро восхитительных внуков... А в промежутках... Татьяна была готова поклясться (слышала телефонные разговоры), что Виктория до последнего крутила шуры-муры.

Подчас Татьяне казалось, что ее начальница (не Венера обликом, чего уж таить) обладает волшебным женским приемом, способным делать из мужиков послушных ягнят. Раньше подмывало спросить – из чистого любопытства. Теперь хотелось услышать от мудрой старой черепахи – что я делала неправильно? Какого тайного секрета не знаю?

Виктория Сергеевна жила в центре, в старинном двухэтажном особнячке, правдами и неправдами вычеркнутом из исторических памятников, внутри полностью перестроенном на пять квартир – для Виктории и четверых ее детей. Городское общество любителей истории вело давнюю и безуспешную борьбу за конфискацию особнячка и устройства в нем музея.

Дверь Татьяне открыла домработница. Виктория показалась в конце длинного коридора (естественно, с телефонной трубкой у уха) и махнула рукой:

– Проходи!

Татьяна нередко бывала в этих барских хоромаш, и в последнее время зависть к их обладательнице сменилась на жалость: как ни высоки тут потолки, ни замечательны лепнина и обои,

ни вызывающе дорога мебель – сил они хозяйке не прибавляют. Нет, лучше уж быть бедным, но здоровым.

– Какие арбузы? Испанские? Без косточек? – спрашивала в микрофон, астматически дыша, Виктория Сергеевна. – Где будут продавать? В универсаме на Садовой, бывшей Кирова? Кто поставщик? Странно. Почему это Филя занялся арбузами, если всегда по обуви специализировался? Что-то здесь нечисто. Ну, все, пока! Еще один звонок, – обратилась Виктория Сергеевна к Татьяне. И, нажимая толстыми пальцами на кнопки, закричала в голос: – Настя! Где тебя носит? Нам тут лапу сосать?

– Иду, иду! – отозвалась домработница и вкатила сервировочный столик с закусками и чайником.

– Катя? – спросила Виктория Сергеевна, когда на том конце ответили. – Да, это я. Слушай внимательно! Сегодня в пятнадцатой школе, где наш Сереженька учится, обнаружили в одиннадцатом «А» наркотики. Директор хочет дело замять, затихорить, имей в виду. Внуку скажи: если только притронется к этой отраве, я ему голову оторву и не на каждый праздник выдавать буду. И тебе заодно. Пока! – попрощалась с невесткой Виктория Сергеевна и снова булькающе заорала: – Настя! Забери трубку, ни с кем меня не соединяй, включи автоответчик. Поговорить не дадут!

Ее начальственный крик и ворчание не обманули Татьяну: переживает! После вчерашнего подписания документов Виктории страшно оказаться не у дел, никому не нужной, ни для кого не грозной.

Но и Виктория, в свою очередь, полагала, что Татьяне несладко. Жестом предложив угощаться, спросила:

– Сильно переживаешь, что муж бросил?

– Очень сильно, – подтвердила Татьяна. – Только совершенно нет времени переживать.

– Уже хорошо. Если убедишься, что у него это серьезно, вырывай с корнем из сердца!

Вот я своего первого муженька за измену похоронила.

– Вы разошлись, а потом он умер? – уточнила Таня.

– Нет, сначала похоронила, потом разошлись.

«Ку-ку! У нее начался маразм!» – подумала Таня и стала торопливо пить чай, чтобы Виктория не заметила, какое впечатление произвели ее слова.

Но последовавший рассказ Виктории Сергеевны опроверг подозрение в старческом слабоумии.

– Мой первый, Гришка, по профессии зоотехником был, сельхозакадемию окончил. На целину рвался, только там коров на всех зоотехников не хватало. Распределили нас на Кубань, в большую станицу. По-старому говорили «станица», по документам – райцентр. Казачки – это такие бабы! Порода! Каждую вторую можно было в Москву на Выставку достижений народного хозяйства отправлять для демонстрации женской мощи и стати. В добавление к фигуре – темперамент бешеный и на язык острые. А мужики у них, – Виктория Сергеевна неопределенно покрутила пальцами и сморщила нос, – так себе. Плюгавенькие, чернявенькие, вертлявые, жилистые, задиристые, но... нет, не богатые. Почему большие и красивые женщины рожают всякую мелочь, я так и не поняла.

И вот мотает мой Гриша, а надо сказать, что парень он был оч-ч-чень видный, по станицам и хуторам. Я дома сижу, потому что годовалый сынок Юрка, мой старший, ты его знаешь, – как по пословице: если не понос, то золотуха. То струпиями весь покроется, то сопли до пола, то из ушек гной, то в горле ангина. На работу выйти не могла – такой ребенок болезненный. А сейчас не скажешь, правда? Два метра ростом и полтора центнера весом.

В один из дней сижу около детской кровати, компрессики сыну меняю, температура у него под сорок, жду мужа. Вместо него – записку мне доставили. И пишет мой благоверный,

что полюбил другую женщину, заведующую молочной фермой в соседнем районе, просит меня не обижаться, подать на развод, а самому ему приехать недосуг, осваивается в новой станице.

И что, ты думаешь, я сделала? Схватила больного ребенка, в одеяла завернула и на попутках рванула мужа возвращать. Он меня – в штаны, зачем приехала и все такое. А разлучница за ситцевой занавеской спряталась и в дырочку за нами подглядывала. Потом на секунду рожу высунула и язык мне показала. А Гришенька в этот момент говорил: ничего вернуть назад нельзя, у него такая любовь сильная, как удар молнии... Вот это все вместе: ее рожа насмешливая и его слова про молнию – чуть не довели меня до греха. Я бы их убила, клянусь! Спасибо сыночку, спас – заплакал, зашелся криком, как понял, что мать на грани.

Возвращаюсь в свою станицу. Лицо у меня, сама понимаешь, соответствующее. Надела черное платье, черный платок, объявила соседям и знакомым: погиб Гриша, попал под удар молнии и полностью, включая скелет, сторел, обуглился. Мне, конечно, и с похоронами, и с поминками народ очень помог. Все чин-чинарем прошло. Гроб, поскольку Гриша обугленный, никто открыть не попросил. А в гробу лежали для веса Гришкины инструменты. Он столяркой увлекался, ползарплаты тратил на стамески и лобзики. Особо гордился дрелью импортной. Она отлично в центр гроба и легла. А в голову я фотопортрет мужа в рамке положила. Без головы как-то некультурно....

– И никто не догадался? – смеялась Таня.

– Ни одна душа. А голосила я на кладбище – ты бы послушала! И все правдиво. Выла, что хороню свою любовь на веки вечные, посылала проклятия злой судьбе, которая нас разлучила. На следующий день после похорон села с сыночком на поезд и уехала сюда, к маме.

– А как все выяснилось?

– Мне подруга написала. Через неделю приехал Гриша – увольняться и за вещичками, за инструментами. Идет по улице, народ на него пялится, в стороны шарахается, бабки крепятся: свят-свят, воскрес! А один пьянчуга местный подходит к Гришке, хлопает по плечу и спрашивает: «У тебя когда девять дней? Отметим?»

– Ой, спасибо! Ой, развеселили! – Татьяна вытирала набежавшие от смеха слезы.

– Ты-то свою разлучницу знаешь?

– Понятия о ней не имею.

– Аспирантка, вчерашняя студентка, двадцать шесть лет. С твоим на одной кафедре... как ее...

– Компьютерной графики.

– Ага, есть подозрение, что они с нового учебного года, с сентября роман крутят. Ее родители не в восторге, что дочь со стариком связалась. Они живут в двушке-распашонке на Новом проспекте. Еще прописаны бабка и младший брат аспирантки. Так что квартирные условия не блестящие. Будет твой Михаил пилить вашу квартиру, помяни мое слово.

– А где они сейчас... ну, вместе... находятся?

– Этого сказать не могу, но можно узнать.

– Нет, спасибо. Скорее всего, в квартире Мишиного брата, который подался на заработки за границу.

– Возможно. Еще чаю?

По тому, как Виктория Сергеевна равнодушно пожала плечами, дежурно предложила чай, Татьяна поняла, что встреча подошла к концу. Виктории уже скучно с ней, хочется схватить телефонную трубку, звонить по долам и весям, собирать и распространять информацию – поддерживать видимость своей значимости.

– Еще только один вопрос! – попросила Таня.

– Давай.

– Виктория Сергеевна, вы ведь всегда пользовались успехом у мужчин?

– Грех жаловаться.

«Но вы-то далеко не красавица!» – чуть не вырвалось у Татьяны. Говорить подобное было невежливо, и она запнулась, закашлялась.

– Хочешь сказать, что я не Софи Лорен? – прекрасно поняла ее заминку Виктория Сергеевна.

– Нет, ну, просто...

– Да чего уж там! – махнула рукой Виктория Сергеевна. – Только красоток-артисток на всех мужиков не хватит.

– А как вам удавалось... влюблять в себя, удерживать, заинтересовывать? Откройте секрет!

– Слушай, пока я жива. Мужу надо давать то, чего он желает, но сам еще об этом не догадывается. Вот и вся наука.

– А если у вас не было того, что он желает? Вот, например, моего Мишу на аспиранток потянуло. Но я-то не могу снова стать молоденькой!

– Если у тебя нет того, что требуется мужу, значит, он не твой мужик. Не обращай на него внимания, не трать время, вырывай с корнем, хорони.

Виктория Сергеевна вышла проводить гостью. Таня надевала пальто, а домработница уже принесла Виктории телефонную трубку.

– Бывай! Счастливо! – попрощалась бывшая начальница. И тут же ответила на звонок: – Филя? С чего это тебя на арбузы потянуло? Да, уже знаю...

Восемь вечера. Татьяну страшил ее пустой дом, не хотелось в него возвращаться, поэтому поехала к подруге Лизе.

Они дружили с детства. И хотя были ровесницами, Татьяна старшей сестрой опекала трепетную, слабовольную, восторженную и нерешительную Лизу. Но сегодня, редкий случай, с бедой приехала Таня, ей требовалось участие и поддержка.

Выслушав подругу, Лиза пришла в волнение, близкое к панике. Закудаhtала детским голосом Зайца из мультфильма «Ну, погоди!». Была у Лизы такая особенность – в минуты нервного напряжения ее горло вдруг начинало вещать чужими голосами.

– Но почему, почему? Почему Миша так поступил? – восклицала Лиза.

– Потому что ему, гаду, захотелось молодого тела.

– Нет! Этого не может быть! Давай спросим Колю?

Муж Коля и подруга Таня были главными опорными персонами Лизиной жизни. Еще, конечно, сын Гриша. При трепетной мамаше мальчик вырос на удивление самостоятельным, активным и пробивным. Четырнадцатилетний, он опекал маму по-взрослому ответственно. С мужем и сыном Лиза советовалась по малейшему поводу. Она была жена-доченька и мама-доченька, что Колю и Гришу возвышало в собственных глазах и очень устраивало. При этом, естественно, Лизино мнение ни в грош не ставилось и во внимание не принималось.

Призванный на кухню Коля, посвященный в случившееся, мгновенно («Ах, вот что значит мужской ум!» – восхищенно подумала Лиза) указал на противоречие:

– Миша ушел от Тани, правильно? Тогда почему, ты, Лизка, пятнами пошла, а Татьяна спокойна как скала?

– Я свое отплакала и еще отплачу, – слегка обиделась Таня.

– Коленька, Таня говорит, что Мишу потянуло на молоденьких девушек. Но ведь это невозможно?

«Очень возможно!» – подумал Коля, но не стал развивать опасные предположения. Он зашел с другого края, проанализировал ситуацию под углом: в чем Татьяна виновата, если от нее ушел муж. По Колиным словам получалось, что Татьяна ударилась в бизнес, забросила дом, не уделяла внимания мужу, вот Миша и дал деру, ускакал туда, где он будет бог, царь и воинский начальник.

Это было правильно теоретически. Действительно, много семей распадается, когда жена большую часть времени и душевных сил тратит на работу, а близким остаются крохи. Но Таня и Миша не подпадали под эту статистику! Они были исключением! Миша никогда не требовал, чтобы жена сидела на диване, вязала носочки, пекла регулярно пироги. Пироги – всегда был ее, Татьяны, порыв. А Миша, как верный друг и толковый советчик, поддерживал Татьяну, укреплял ее уверенность в себе на каждой ступеньке карьерной лестницы. И безо всякой корысти трутня! Татьяна не сразу стала хорошо зарабатывать. И именно тогда, когда будущее было в тумане, денег – пшик, а страхов и опасений – сверх край, Миша проявил себя надежным спутником, верной опорой.

Таня пыталась донести эту мысль друзьям, но наталкивалась на абсолютное непонимание. Семейная модель Лизы и Коли разительно отличалась, провозглашалась единственно правильной, все иные объявлялись порочными и ошибочными. Уход Миши – лучшее тому подтверждение.

– Ну, ребята! – укоризненно воскликнула Таня. – Пришла к вам со своим горем, а вы целый час доказываете, что я сама дура! Спасибо!

– Ой, Танечка! – мгновенно встревожилась Лиза и откатила назад. – Извини нас! Мы хотели как лучше!

– В самом деле! – подхватил Коля. – Ты нам не посторонняя... мы переживаем... и все такое. А задуматься над своими ошибками никому и никогда не поздно.

– И тебе в том числе? – зло спросила Таня, глядя Коле прямо в глаза.

– А что я? – растерялся Коля.

Имелась у Тани информация! И очень подмывало выложить! У прекрасного семьянина Коленьки рыльце-то в пушку! Татьяна знала (не без помощи Виктории Сергеевны) о его интрижках на стороне. Но задавила мерзкое желание сделать больно подруге, потому что самой лихо и потому что ее не утешили, не погладили по головке, а устроили разбор полетов.

– Пойду я, – торопливо сказала Таня и поднялась. Ей так хотелось врезать по заслугам Николаю, а в его лице Михаилу, в их общем лице – всем мужикам, подлым гулякам, что едва сдерживалась. – Обращаю внимание: в этом гостеприимном доме даже чаю не предложили.

Лиза уговаривала еще посидеть, поговорить, из стратегических подарочных запасов вытащила большой шоколадный набор к чаю, но подруга не задержалась, распрощалась.

Позже Татьяна не раз порадует, что не поддавалась порыву выместить свое страдание на подруге. Хотя это по-человечески понятно: показать другому, глупо счастливому, что у него тоже повод горевать. Помериться, чья ноша тяжелее... И чтоб поменьше вокруг благодушных счастливых физиономий! У всех скелеты в шкафу! Но по трезвому рассуждению, которое обычно запаздывает, – толкать людей в омут печали только потому, что сам в нем тонешь, подлю.

Таня боялась второй бессонной ночи. Но отключилась, едва голова коснулась подушки. Даже не успела по привычке мысленно перечислить завтрашние дела.

Глава 3

Михаила не волновали версии

Михаила совершенно не волновало, какие версии его ухода рождаются в чужих головах, муссируются и домысливаются. Ему казалось, что окружающие давно забыли дорогу к самому прекрасному источнику жизни – к любви. Да и сам он еще недавно без сожаления мог сказать: позарастили стежки-дорожки.

А теперь любил. Сильно, негаданно и потому еще более волшебным. Он полностью изменился – каждой клеткой тела и невидимой частичкой сознания.

Появившаяся на их кафедре аспирантка Раечка поначалу особого впечатления на Мишу не произвела. Но потом брала оторопь при мысли, что мог пройти мимо своего счастья. Смотрел, глупец, равнодушно на чудную девушку, ничем не выделяя ее из потока студенток и аспиранток. У Раи была смешная фамилия – Козюлькина. И Миша испытывал к ней солидарное сочувствие. Потому что ему самому не повезло с фамилией...

На что уж Татьяна! Бездна человеколюбия, и то... С Татьяной они познакомились на какой-то вечеринке. Миша тогда выступал бунтарем – носил длинные волосы, терзал гитару, сочинял песни под мелодии битлов. Таня заворуженно его слушала и предрекала большое эстрадное будущее.

– У меня фамилия... в общем, не годится для знаменитости, – признался Миша.

– А какая у тебя фамилия? – спросила Таня.

Она была готова услышать нечто смешное, или дурно созвучное, или абсолютно нелепое. Танькино лицо выражало готовность немедленно броситься утешать и оправдывать.

– Червяк.

У Тани надулись щеки, она крепилась, но не выдержала и расхохоталась в голос.

Потом, конечно, долго извинялась, оправдывалась. Миша простил ее. Этой девушке можно было простить все смертные грехи, и несмертные тоже. Но когда они расписывались, Татьяна настояла на том, чтобы он взял ее фамилию. Так он стал Михаилом Кутузовым. И со временем привык объяснять, что наречен не в честь великого полководца и не потомок его вовсе. Того, что носит фамилию жены, никогда не уточнял.

Как-то на скучном заседании кафедры Михаил оказался за столом рядом с Раей Козюлькиной. Тихо язвил, мирно издевался над выступавшим оратором. Рая зажала рот ладонью, пряча смех. И посмотрела на Мишу... Нет, решил он, мне только привиделся в ее глазах особый огонек. Но разве спутаешь, когда девушка смотрит на тебя как на интересного мужчину?

Неожиданно и удивительно, по-охотничьи азартно, было в последующие встречи ловить ее трогательные призывно-восхищенные взгляды. Михаил почти физически ощущал, как в груди, вокруг сердца, растет и ширится приятнейшая сфера увлечения женщиной, пока питаемая не романтической влюбленностью, а мужским бахвальством – кажется, девушка не прочь со мной... По большому счету инициатива принадлежала Рае – но лишь в плане поощряющих взглядов, стрельяния глазками. Миша подхватил инициативу. Ему не приходилось напрягаться, чтобы выглядеть остроумным, иронично-мудрым или загадочно-приятным. Сфера вокруг сердца вырабатывала какие-то вещества (вроде гормонов?), которые, поступая в мозг, заставляли его работать с утроенной нагрузкой. У павлинов-самцов от подобных гормонов распускается хвост.

Раечка доверительно пожаловалась ему на научного руководителя – профессора кафедры, вздорного педанта. Утешая аспирантку, Михаил накрыл ее руку своей ладонью. Раечка благодарно пожала руку в ответ. Другой раз, рассмеявшись над ее шуткой, Миша, как

бы в веселом порыве, приобнял девушку за плечи. Раечка с готовностью прильнула к его груди. На секунду, тут же отстранилась. Но в ее глазках плясали веселые чертики. Еще несколько случаев невинного физического контакта, и Михаил решился на проверку боем. Пошел провожать Раечку, в темном переулке стал ее целовать. Первые осторожные, разведывательные поцелуи нашли горячий отклик и благополучно перешли в страстные.

На этом первая фаза их романа завершилась, так как наступили каникулы, долгий педагогический отпуск. Летом Михаил редко вспоминал о Рае, а когда возвращался мысленно к тем поцелуям, то самодовольно усмехался. Он был готов к тому, что девушка заведет подходящего ей по возрасту кавалера, не печалился и не строил планов.

Однако в начале учебного года, перед заседанием кафедры, приветствуя Раю, он безошибочно прочитал в ее глазах: ждала, мечтала, томится, надеется. Ему было чертовски приятно! Испытывая озорной прилив сил, Миша блистал остроумием, шутил, каламбурил как никогда. Коллеги решили, что он прекрасно отдохнул в отпуске.

Мише повезло – в его распоряжении была квартира брата. Там Раечка потеряла невинность. Нельзя сказать, что Михаил мечтал о подобной чести, но не мог по-мужски не гордиться. Каждое их свидание походило на остановку поезда, который уносит тебя все дальше и дальше от дома. Их уносило в страсть, в любовь, в обожание. В конце концов «поезд» отъехал так далеко, что уже не было сил расставаться и преступной тратой времени стали казаться разлуки. Миша решился уйти из семьи. Полностью отдаться счастью, которое омрачала только вина перед Таней.

Вина заключалась не в том, что он полюбил, а в том, что вынужденно обманывал жену. Душой Михаил был ленив и вранья не выносил, оно требовало постоянного напряжения памяти.

На следующий день после разговора с Татьяной он пришел домой в отсутствие жены, достал чемодан и сложил свои вещи. Кроме чемодана, ему понадобилось еще две большие дорожные сумки. Хотя Миша ничего не забирал из хозяйственного имущества, его личного барахла, книг, бумаг накопилось немало. Придется ловить такси.

Он мысленно представлял этот акт – уход из семьи – как трепетный и роковой. Но ничего особенного не почувствовал: ни в первый раз, когда выскочил из дома с узелком грязного белья, ни во второй, когда освобождал квартиру от собственных вещей. Не звучал на всю мощь оркестра финал симфонии, не ухали литавры, не рвал сердце пронзительный плач скрипок и альтов. Тишина. Старая связь рвалась на удивление легко и безболезненно. Во время объяснения с Татьяной ему более всего хотелось сократить это объяснение. Укладывая чемоданы, думал о том, что хорошо бы успеть до прихода жены. И не забыть сходить в туалет на дорожку.

Михаил позвонил на сотовый дочери в Москву. Он полагал, что честнее и справедливее будет самому объявить Светланке о «перестройках» в его жизни. Но дочь куда-то спешила или была очень занята:

– Папка! Я в затырке! Не могу говорить!

Что такое «затырка», Михаил понимал смутно. Только успел сказать:

– Маленький, я тебя очень люблю! Ничему не удивляйся.

Он не был уверен, услышала ли Светланка последнюю фразу, дочь быстро отключилась. Но важное дело он счел сделанным.

Первые три недели Миша и Рая упивались счастьем во всей полноте. Им казалось, что, фактически присутствуя в реальной жизни с ее ежедневной рутинной, они на самом деле отсутствуют. Живут на другой планете, или на необитаемом острове, или в хрустальном замке. Им никто не был нужен, и ничто не могло помешать, и не существовало ветра, который надул бы тучи на их персональное чистое небо.

Косые взгляды на кафедре, перешептывания, язвительные поздравления оставляли их равнодушными. Стрелы били мимо цели. А саму цель не смог ощутимо поразить даже приход Татьяны, явившейся в отсутствие Миши выяснять отношения с Раисой.

– Странная твоя жена, – сказала Рая вечером. – Представляешь, она предлагала взамен тебя отдать мне люстру!

Миша ничего не ответил, пожал плечами и заговорил о другом. Не унизился до обсуждения недостатков бывшей жены. А Раечка не представляла, что значила для Татьяны хрустальная люстра. Да и весь разговор двух женщин был гораздо содержательнее нелепого торга.

О хрустальной люстре под потолком дома, в котором живет, Татьяна мечтала с детства, с новогодних елок во Дворце культуры, с детских спектаклей в областных драматическом и музыкальном театрах. Там сияли в вышине, переливались тысячами маленьких радуг хрустальные люстры. Таня считала их царским атрибутом храмов культуры. И была страшно поражена, придя однажды к девочке-однокласснице (из богатеньких) на день рождения и увидев у них над праздничным столом хрустальное чудо. Размером, конечно, меньше театрального, но все равно изумительно прекрасное, с подвесочками по кругу, напоминавшими сказочное платье феи. Так зародилась мечта. А осуществилась она, только когда Тане исполнилось сорок пять лет.

Они с Мишей решили, что уже могут себе позволить шикануть, поднакопить денег и купить люстру стоимостью в пол-автомобиля. Таня обожала свою красавицу, регулярно «раздевала» ее, купала каждое стеклышко в растворе с аммиаком. И люстра сияла как новенькая. Таня приходила домой, нажимала на выключатель и обязательно улыбалась – казалось, будто не просто комната освещается, а она, Татьяна, подзаряжается радостным светом.

Таня не достигла бы трудовых успехов, если бы не обладала большим упорством в достижении цели. Любая проблема имеет решение, была убеждена Таня. Если задача не поддается, значит, я действую ошибочно. Не получается в лоб – надо зайти справа, слева, с тылу – но найти точный путь. И уход мужа из семьи она воспринимала проблемой, к которой требуется подкатить с верной стороны.

Она звонила Мише, просила о встрече. Но муж отказывался, ссылаясь на то, что решение его окончательное, а лишние разговоры – дополнительные и бесполезные переживания для Тани.

– Хотел бы облегчить твою участь, – говорил Миша, – но боюсь, что это невозможно. Сейчас я тот самый объект, который ничего, кроме боли, тебе не принесет. Поверь, мне очень, искренне жаль. И надеюсь, что острый период не затянется и мы останемся друзьями. Кто подаст заявление на развод – ты или я? (Ответом было ее возмущенное сопение.) Танюш! Ты знаешь, жилищные условия у меня не блестящие. Нам придется делить квартиру. Уверен, что ты это сделаешь с взаимной выгодой.

– Что-о-о? – только и могла произнести Таня.

– Извини, пора в аудиторию, лекция начинается.

Таня швырнула трубку на рычаг. Задумалась. Где у этой проблемы «тыл»? Разлучница-аспирантка! Вот с ней мы и поговорим.

Четкого плана разговора у Тани не было, хотела сориентироваться на местности. Таня прекрасно разбиралась в людях. Будь по-иному, она бы в риелторском бизнесе не сделала карьеры. Человек только входил в Танин кабинет, а она уже знала: этот изматывает все нервы, то ему деревянные перекрытия не понравятся, то вид из окна, то соседская собака.

Аспирантку Татьяна раскусила быстро, еще толкались в прихожей. Рая растерялась, а Татьяна смело, вынудив девушку посторониться, прошла в квартиру.

Не красавица, отнюдь. Вся ее смазливость – привилегия молодости. Через пятнадцать лет из Раи вылупится вполне заурядная тетка с расплывшейся фигурой и плохой кожей.

«Если Светланка втюрится в старого мужика, – думала Таня, – костями лягу, но не позволю ей коверкать жизнь! Напрасные страхи. У моей доченьки недостатка в кавалерах никогда не наблюдалось. И кажется, она уже познала, не дожидаясь вальса Мендельсона, прелести интимных утех. Правильно сделала!»

Татьяна сидела в кресле, Рая стояла у окна в напряженной позе, сложив руки на груди.

– Как вас зовут? – спросила Таня.

Сама она представилась, едва девушка открыла дверь: Татьяна Евгеньевна Кутузова, жена Михаила Александровича.

– Раиса Владимировна.

Татьяна прекрасно знала, как зовут девчонку, в том числе и звучную фамилию Козюлькина. Татьяна тянула время. Она сильно нервничала, переживала, вибрировала. Но чем сильнее дрожь внутренне, тем строже надо контролировать внешние эмоции. Каковы методы словесной борьбы? Убедить противника в ошибке, запугать или подкупить. Но вначале его требуется расколоть своей как бы полной открытостью.

– Вы прекрасно понимаете, Рая, – Татьяна намеренно отбросила отчество, – цель моего визита. Я пришла к вам, чтобы вернуть мужа.

– Михаил не вещь! – с вызовом произнесла Рая.

– Он мой! – с таким же вызовом и нажимом отрезала Таня.

И заговорила о своих правах, подкрепленных почти тридцатилетней совместной жизнью.

– В любви не может быть никаких прав! – перебила Рая.

– К его любви мы еще вернемся. А пока, деточка, хочу сказать вам, по-матерински, про вашу любовь. Вы девушка в самом соку. И в периоде, про который точно сказал поэт: «пора пришла – она влюбилась». По причине «пришла пора» многие девушки выскакивают замуж или заводят романы. Потому что подкатывают к состоянию чувственной перзрелости, испытывают острую неудовлетворенную потребность в близких отношениях с мужчиной. Они просто уже не в состоянии переносить одиночество и хватают что под руку подвернется. Вам подвернулся мой муж. Ничего удивительного. Дочери миллиардеров идут под венец с телохранителями, принцессы крови спят с дворецкими.

Оскорбительность услышанного и потому бурный против него протест, унижительный отеческий тон Татьяны сделали свое дело: Рая вспыхнула, раскрылась, но ей казалось, что ушла в глухую оборону.

– Не желаю обсуждать с вами мои отношения с Михаилом!

– Придется, – мирно проговорила Таня. – Не могу же я одним росчерком перечеркнуть свою да и Мишину жизнь? Он прекрасный человек, умный, нежный, интеллигентный и порядочный. Но он вас не любит!

– Ошибаетесь! Безумно любит!

– Нет, – покачала головой Таня. – Он любит свое чувство к вам, его восхищает собственная способность вызвать у кого-то любовь. Ваше преклонение перед ним. Уверена, что вы преклоняетесь, не так ли?

– Не ваше дело! Что вы лезете в нашу жизнь? Грязными руками...

– Спокойно! – перебила Таня. – Дайте мне договорить. И постарайтесь не эмоциями, а разумом воспринять мои слова. У Миши это пройдет. Через месяц, два или полгода. Он вернется ко мне. Обязательно вернется! Потому что, кроме молодого тела, вы ничего ему предложить не в состоянии. Объективно: проживи вы с Мишей столько лет, сколько мы, так же выросли бы друг в друга на уровне обмена веществ. Но когда мы поженились, вы еще только пачкали пеленки.

– Это недостаток? – усмехнулась Рая, открыто демонстрируя свое главное оружие – молодость.

Таня притворилась, что не поняла выпада, не заметила бряцания новенькими доспехами. Она серьезно ответила:

– Конечно, недостаток! В определенных обстоятельствах, например в вашей связи с моим мужем, – безусловный минус.

– Смешно слышать!

– Это потому, деточка, что у вас сейчас на уме один секс. А он – далеко не вся жизнь и даже не ее половина, а у Миши – так меньше четверти.

– Ошибаетесь!

Девушка улыбалась нахально и (гадина!) снисходительно, всем своим видом показывая, что с ней Миша наконец познал настоящее блаженство. У Тани свело скулы, едва не заскрежетала зубами. Теперь ей стало понятно, что движет женщиной, которая вцепляется в патлы разлучнице и колотит ее башкой об стенку. Так славно было бы стереть с лица аспирантки самодовольное выражение, поменять его на отчаянное – благодаря в кровь разбитому носу! Нельзя! Мы люди интеллигентные и кулаками размахивать не станем. Напротив, продолжим изображать говорящую скульптуру.

– Итак, Миша ко мне вернется, в этом нет сомнений. С покоренной психикой, подорванным здоровьем... Вы знаете, что у него проблемы с сердцем и давлением? И главное – с чувством вины. Чем дольше он пробудет с вами, тем сильнее его будет грызть вина. В отличие от вас, мне Мишу жалко, не хочу, чтобы он страдал.

– Никогда! Слышите? Никогда Миша к вам не вернется! Холодная, бездушная женщина! Бизнес-леди!

– В последнем определении не вижу ничего оскорбительного. А характеристики ваши пропускаю мимо ушей. Деточка, у вас еще не выросли зубы, чтобы меня укусить. А царапанья молочными зубками я не боюсь. Коль уж вы такая настырная, обрисую, как будет складываться ваша с Мишей жизнь в обозримом «счастливом» будущем. Если вы родите, то Миша с большим трудом прокормит вас и ребенка. На его-то зарплату! Квартиры нашей вам не видать. Это уж поверьте мне как специалисту. И не Кутузовой вы будете, голубушка, после замужества. В курсе, что Миша носит мою фамилию? Нет? Он с рождения Червяк. И вы будете – Червяк. Или оба вы – Козюлькины.

Татьяна не выдержала и последние слова проговорила зло и ехидно.

– Как вам не стыдно! – воскликнула Рая. – Зачем пришли? Растоптать нашу любовь? Кто вам позволил издеваться? Не желаю слушать ваши морали, ваши пошлые циничные рассуждения! Да вы просто монстр! Без сердца и крови! Я люблю Мишу! И он меня боготворит! Какие бы ни были тому причины, что бы ни сочинило ваше больное воображение! Уходите! Вам здесь делать нечего. Если вы хотели отвести меня от любимого, то сильно ошиблись. После того как я увидела, с кем Миша жил долгие годы, мое чувство к нему только упрочилось. Вы просчитались!

Она была права, сопливая девчонка! Она любила – этим все сказано. Любовь – самая мощная броня, не поддающаяся логике, разуму, внешним силам. Против любви бессильны козни дьявола, и она не слушает божеского голоса. Что уж тут пытаться Татьяне, простой смертной, сразиться с любовью двоих! И не важно, как, когда или почему возникла любовь. Если стихи рождаются из мусора и сора, то почему бы любви не зародиться благодаря всплеску гормонов или из-за какой-нибудь ерунды, вроде совместной работы над научной темой?

Татьяне только казалось, что она в три счета обработает девчонку. Таня сама была побеждена, на обе лопатки повержена. Сознание краха пробило в Таниной внешней защите брешь огромного размера. Татьяна не выдержала и разрыдалась.

В слезах наговорила много лишнего: что она вовсе не железная леди, что без Михаила пропадет, что любит его сильнее, чем в молодости. Умоляла вернуть мужа и даже в каком-то уж совершенном затмении воскликнула:

– Хотите, заберите у меня хрустальную люстру! Только верните Мишу!

– Что вы такое говорите? – поразилась Рая.

Ее растрогали слезы Татьяны Евгеньевны. «Неужели из-за меня так тяжело страдает человек? – спрашивала себя Рая. Но тут же находила встречный вопрос-оправдание: – А разве ты бы не согласилась за свою любовь вынести жестокие муки?»

– Кажется, я сошла с ума. – Татьяна с трудом взяла себя в руки. Вытерла лицо и поднялась. – Простите! Извините за причиненное беспокойство.

Стараясь не шаркать, хотя ноги вдруг стали пудовыми, Таня побрела к выходу.

Глава 4

Родители выбор не одобряли

Раины родители выбор дочери не одобряли. Они были простыми трудовыми людьми, но в наше время все простые знают, что преподаватель вуза получает копейки. К тому же – старый, на три года старше, чем мать и отец Раи. Конечно, если бы Кутузов оказался состоятельным предпринимателем, если бы он купил их дочери квартиру, загородный дом, одел в шубы, обсыпал бриллиантами, дело выглядело бы совершенно иначе. «Ветхость» жениха уравнивалась бы его материальными возможностями, перспективой сытой и богатой жизни дочери. Но этот-то! Беден как церковная крыса! Отец Раи говорил (не подозревая, что повторяет рассуждения Татьяны): засиделась девка! Мама после нескольких бурных и безуспешных сцен по промыванию дочери мозгов стала величать Кутузова не иначе, как старым козлом. Пока Рае удавалось держать маму на расстоянии от Михаила, исключить личный контакт. Но мама не собиралась сдаваться и грозила, что пойдет к ректору, напишет в газету и вообще «покажет старому козлу, как девушек соблазнять, голову дурочкам морочить». Иными словами, реакция Раиной мамы ничем не отличалась от возможной реакции Татьяны, случись с ее Светланкой подобная неприятность.

Очередную попытку утихомирить маму Рая предприняла, когда они пришли на квартиру пропавшей тетки. Мамина старшая сестра, тетя Люся, не давала о себе знать несколько месяцев. Тревогу забила не Раина мама (сестры не особо дружили), а теткин коллеги по работе в парикмахерской и соседи. Почтовый ящик тети Люси был забит корреспонденцией, в том числе угрозами жэка подать в суд из-за отсутствия коммунальных платежей. Жила тетя Люся одна, с мужем разошлась давно, детей не было. Нежелание иметь наследников и послужило в свое время причиной развода. Тем удивительнее были вещи, обнаруженные в квартире.

Грязь и разгром в комнате, на кухне, в ванной и туалете выглядели старыми, прочными, наслоившимися. Но Люся всегда отличалась болезненной любовью к чистоте! Она и детей-то не хотела, и племянников не жаловала, в гости не приглашала, потому что от детей беспорядок и за ними много уборки. Мужчины к пятидесяти Люсиным годам сошли на нет по той же причине – к аккуратности и чистоплотности они приучались с трудом. Правда, когда Раина мама видела Люсю в последний раз, отметила, что сестра поразительно помолодела. На вопрос, не влюбилась ли, ответила кокетливым смехом. Чуть не лопалась от самодовольства и поэтому отбила у Раиной мамы желание дальше расспрашивать, подробности узнавать.

Никаких следов мужского присутствия в квартире не обнаружилось. А вот детские были! Платица, курточки, бантики и даже игрушки! Соседка тети Люси, которая вместе с ними опасно ходила по квартире, вспомнила, что слышала через стенку детский плач. Думала – гости приехали.

– Никого у Люски, кроме меня и моих детей, нет, – покачала головой Раина мама. – Да и чтобы сестра пустила к себе кого-то с малышкой? Такого не бывало.

– Надо милицию вызвать, – предложила Рая.

Мама согласилась, а соседка почему-то испугалась и заторопилась, сослалась на дела, ушла.

Пока ждали участкового, Рая и мама бродили по квартире. Каждая нашла что-то интересное.

Рая бесцельно, только чтобы занять себя и не думать о том, что с теткой произошла какая-то криминальная история, распаивала навесные шкафчики на кухне. Среди банок с крупой, бумажных пакетов с сахаром, сбоку прогрызенных мышами (Тетя Люся и мыши! Но об их присутствии неопровержимо свидетельствовали катышки помета), – среди утвари и снеди, которая годами хранится у рачительной хозяйки, Рая обнаружила батарею баночек из-под майо-

неза, закрытых полиэтиленовыми крышками с этикетками (тетя Люся да не отмыла бумажную наклейку?), поверх которых было написано красным жирным карандашом: «От радикулита», «От шпор на пятках», «От печени», «От кишечника»...

«Выпил – и не стало кишечника», – мысленно пошутила Рая. И тут же одернула себя: не время иронизировать. На одной из баночек значилось: «Женское молодильное», и она была почти пуста, на дне присох мутный осадок. А рядом стояла баночка: «Майонез провансаль... Мужское молодильное». Мутноватый коричневый раствор напоминал крепкозаваренный, но спитой чай.

«Тетя Люся употребляла шарлатанские средства», – подумала Рая. И вспомнила, как в их редкие встречи тетушка пропагандировала то чудодейственные травы, то заезжего экстрасенса, который движением руки избавлял от неизлечимых болезней, то дыхательную гимнастику, которую точнее было бы назвать «бездыхательной». Когда тетушка ударилась в урино-терапию, Раин отец заявил:

– Чтобы в моем доме ноги дуры, которая свою мочу лакает, не было!

Они тогда поссорились, кричали и обзывали друг друга. А Рая готовилась к выпускным институтским госэкзаменам, их обязательно надо было сдать на «отлично», как и вступительные в аспирантуру. Ее страстного желания – вырваться из серой рабочей среды в светлую, научную – не понимал в семье никто. Вот если бы Рая выскочила замуж за владельца рынка! Тогда бы ликовали.

– Мама! – позвала Рая, войдя в комнату.

Не вовремя вошла. Мама выгребала из тетушкиных шкатулок деньги и драгоценности (кулончики, сережки, колечки – не велико богатство, но все-таки...), воровато складывала их в собственную сумку.

Маме было неприятно, что дочь застала ее за этим занятием.

– Чтоб никто не спер. У меня сохранный.

– Конечно, мама. Я хотела тебя попросить... Скоро возвращается брат Михаила, нам жить негде. Пока развод и размен... Ты не будешь возражать, если мы здесь, у тети Люси поживем?

– И не заикайся! Будет она тут со старым козлом кувираться! Через мой труп!

– Мародерствуешь? – кивнула Рая на сумку. – Все выгребла?

Мать не успела ответить, раздался звонок в дверь. Пришел участковый милиционер. Он остался равнодушен к несуразностям в виде грязи, беспорядка и детских вещей, на которые указывали женщины. Никаких оперативно-розыскных мероприятий, вроде снятия отпечатков пальцев, не проводил. Сказал только, что им завтра нужно прийти в отделение милиции и подать заявление об исчезновении родственницы.

«А ведь ее исчезновение, – подумала Рая, – маме выгодно. Квартирка в наследство, деньги, золото, ковры и барахлишко. Господи! Что же я так про родную мать! У нее ведь никогда не было нормальных человеческих условий. Вышла замуж за папу, с бабулей в одной комнате жили. Потом мы вчетвером, друг у друга на головах, в двухкомнатной. Для мамы эта квартира (дай бог тетушке, конечно, здоровья!) не менее ценна, чем для меня». Но тихий внутренний голос, которому чуждо почтение к родителям, не замедлил прорезаться: «Нет, для тебя важнее! Ты только начинаешь жить, а мама с папой обойдутся, им не привыкать».

– Иди, – прервал размышления Раи мамин голос. – Иди, а я еще тут побуду.

«Хочет основательно пошарить, – поняла Рая, – выгрести все самое ценное».

– Мам! Что тебе, жалко? Хоть временно (все временное имеет тенденцию становиться постоянным) мы поживем здесь с Мишей? Я уборку сделаю. Тетя Люся вернется, а тут...

– Тебе русским по-белому сказано! И не мечтай! Не бросишь своего старого козла – найду, кто ему рога обломает!

Позже Рая пыталась припомнить, что ею двигало в ту минуту, но так и не смогла. Обида на мать? Злость? Или матушкин пример – хватай, что плохо лежит? Или роковое предчувствие? Как бы то ни было, но Рая, уходя из квартиры, неожиданно завернула на кухню, вытащила из шкафчика «Мужское молодильное» в баночке из-под майонеза и положила в свою сумку.

Татьянин визит в любовное гнездышко, свитое предателем-мужем, имел положительных последствий. Ей было противно вспоминать и хотелось поскорее забыть свое фиаско – как корчила перед девчонкой железную леди, как рыдала перед ней, унижалась и черт дернул – ляпнула про люстру! Таня не бередила свежую рану, напротив, старалась крепко ее забинтовать. Благо работа давала такую возможность – трудилась как вол. «Вол» женского рода – это кто? Не важно. Главное, что приходила вечером домой и падала замертво, спала без сновидений, вставала по будильнику с привычным внутренним нытьем: ну, еще бы часочек на отдых! Приводила себя в боевой порядок и мчалась на фирму. Отсутствие мужа, освобождение времени, которое в предшествующей жизни уходило на него любимого, Татьяна использовала с пользой для себя. Записалась на массаж и какие-то хитрые косметические процедуры в салоне красоты, куда приезжала после работы и два часа терпеливо подвергалась манипуляциям.

Она коротала одинокие вечера в салоне из-за мужа, но не для него. Надеяться сказочно похорошеть и очаровать Мишу своей осенней красотой было бы глупо. Тот, кто знает тебя как облупленную, не заметит (по анекдоту) – выщипала ты брови или противогаз надела. В лучшем случае дождешься от него равнодушного: «Неплохо выглядишь». Татьяна хотела придать своей внешности максимально привлекательный вид ради самоутверждения. Она давно поняла: прежде всего надо нравиться самой себе, тогда и остальные примкнут.

Михаил не сказал дочери о разводе. И Таня не стала торопить события. Вспомнила науку наставницы Виктории Сергеевны. Она когда-то давно пеняла Тане за торопливость, за жажду немедленных результатов.

– Плох тот рыбак, – говорила Виктория Сергеевна, – который, забросив сеть, сразу ее вытаскивает, не проявляет терпения. Так улова не получишь. Жди! Есть сеть – приплывет и рыбка.

Дочь Светланка была своего рода «сетью», которая могла бы втянуть мужа обратно в семью. В том, что дочь станет на ее сторону, что пригрозит отцу проклятием и разрывом всех отношений, Таня не сомневалась.

Приближался Новый год. Светланка не обещала приехать, Татьяна не настаивала. Но встречать Новый год одной, или у Лизы, или в какой-нибудь вдовьей компании не хотелось. Как назло, правительство преподнесло народу подарок – всеобщий отпуск на первую январскую неделю. Происки толстосумов и лоббистов туристических компаний! Потому что даже Татьяна, немало зарабатывающая, со скрипом могла себе позволить путевку по заоблачной цене в Дом отдыха. А те, кто не мог позволить? Им оставалось только пьянствовать перед телевизором. Зима, на дачи и в деревню не поедешь.

«Гульну! – решила Таня, отправляясь в Дом отдыха. – Имею полное право изменить Михаилу в лечебных целях».

Но сказать проще, чем сделать. Хотя в кавалерах недостатка не было. Таню даже поразило, что в дорогой пансионат приехало столько мужиков как бы одиноких, как бы неженатых. Они прибыли с четкой целью, написанной у них на лбу безо всяких прикрас. У самой Тани была цель аналогичная, но полнейшее отсутствие романтизма и примитивный призыв к случке вызвал у нее отвращение.

В новогоднюю ночь (шикарный банкет в зале, приглушенный свет, музыка, танцы), кружась с очередным кавалером под стеклянным шаром, слушая его смелые и утилитарные ком-

плименты, она ловила себя... Нет, как раз не ловила себя на желании! Хоть крохотном сексуальном позыве!

– Сразу вас отметил, – шептал ей на ушко, тесно прижимал, елозил по спине ладонями владелец консервного завода (не забыл похвастаться). – В моем вкусе. Нам будет очень хорошо. Веришь? (уже на «ты»).

А Татьяна вдруг некстати вспомнила один служебный документ, договор купли-продажи, который вызывал у нее смутное сомнение. Зримо увидела страницу. Пункт 3 «в» – вот где загвоздка! Нужно обязательно исправить...

– Перестань меня лапать! Не будет нам хорошо, потому что я с тобой не пойду.

– Зачем тогда танцевать согласилась? – обиделся «консервный завод». – И вообще сюда одна приехала?

Утро нового года Таня встретила в одиночестве. Никто не храпел рядом с ней на постели. И ладно! Еще не хватало насильно заставлять себя целоваться с кем ни попадя!

Все кавалеры были разобраны. Первого января уже не осталось одиночек. Время поджимало, как у морских котиков или у тюленей, которым в быстрое лето надо срочно найти пару. Татьяна осталась в гордом одиночестве. Ходила на лыжах, впервые лет за десять. Плавала в бассейне, погружая голову в воду и не боясь испортить прическу. Парилась в сауне и долго, с удовольствием выбирала себе блюда на обед и ужин. Вечерами она смотрела в кинотеатре фильмы. Всего было просмотрено пятнадцать штук – больше, чем за последние пять лет.

Когда Таня уезжала, к ней подошла одна женщина, не из «гулящих», а из семейной пары, которых в заезд было примерно половина.

– Извините! Но я хочу вам выразить свое восхищение!

– За что? – удивилась Таня.

– За то, что вы ни с кем тут... ну, понимаете, не крутили пошлых интрижек. Я за вами наблюдала, вы не унизились до грязи! Приятно знать, что существуют и честные женщины.

– Спасибо! – только и могла ответить Таня.

Не скажешь ведь: «Вообще-то я не собиралась быть честной. Просто не сложилось».

Глава 5

Медовый месяц плавно перетек

Медовый месяц Михаила и Раи плавно перетек во второй медовый, в третий медовый... Раиса оказалась чувственной и темпераментной, быстро простилась с девичьей стыдливостью и зажатостью. Михаил гордился своей сексуальной мощью. Не подозревал, что еще может быть удалым и неутомимым любовником. Хотя насчет «неутомимости» – преувеличение. Отзвучат последние бравурные аккорды любви – и с него градом катит пот, грудь ходуном ходит, сердце бешено колотится. Раечка не придавала этому значения. Ведь она и сама в поту и дышит часто. Но ее дыхание быстро восстанавливалось, она счастливо засыпала. А Михаил долго ждал, пока пройдет отдышка, успокоится сердце.

Трехмесячный ударный секс не прошел даром для Мишиного здоровья. Его силы были подорваны, и он стал... пробуксовывать. Одна осечка, вторая... Желание страстное, а тело не слушается, не выказывает готовности удовлетворить любимую.

Татьяна, опытная, деликатная, щадящая немолодого мужа, успокоила бы Михаила, перевела бы в незлобивую шутку его временную немощь и призвала бы хорошенько отдохнуть, а потом вернуться к незавершенному. И вела себя Татьяна в постели как верный товарищ, помогающий партнеру достичь быстрых результатов малыми силами.

Рае подобная деликатность еще не ведома. Она впервые открыла мир чувственных удовольствий, поразились их сладостью, и до насыщения ей было далеко. Она полагала, что мужчины могут «это» постоянно и всегда – по гудку, свистку, щелчку пальцами приходят в боевое состояние. Браво Мише, который внушил девушке такие мысли! Когда же он «пустил петуха» (его собственное выражение, аналогия с пением), Раечка не могла скрыть удивления и разочарования.

Ее реакция привела к тому, что Миша запаниковал. Его охватил самый ядовитый из мужских страхов – страх импотенции. Иметь молодую жену и не мочь? Вдруг не временно, а навсегда? Чем сильнее страх, тем хуже для потенции. Она куда-то, в глубину тела, спряталась, и доставать ее на свет божий требовалось больших Раиных усилий. Девушка старалась, а Миша все более паниковал.

По местному телевидению крутили идиотскую рекламу афродизиака. Средство называлось «Ниагара», и мужик с внешностью побитого молью плейбоя уверял, что после приема лекарства его сексуальная мощь подобна знаменитому водопаду. Далее шли кадры бушующего Ниагарского водопада и грубо вмонтированные в пейзаж седой плейбой, обнимающий за талию девушку. «Сравнить сексуальную потенцию с падающей водой, – думал Миша, – может только кретин». Но реклама подействовала. Михаил решился купить лекарство.

Он заглянул в три аптеки и только в четвертой набрался храбрости подойти к окошку, за которым сидела пожилая тетка, и тихо попросить «Ниагару».

– Рецепт есть? – спросила провизор.

– Нет. А нужен?

«Какой стыд! – покраснел от смущения Миша. – Она смотрит на меня и думает: вот явился импотент без рецепта!»

– Тогда только упаковку, не больше.

– Давайте!

– Что еще?

– А вы как полагаете? – натужно весело откликнулся Миша. – Презервативы, конечно. Сколько положено в одни руки?

«Руки!» – повторил он про себя и рассмеялся уже более раскованно.

– Без ограничений, – равнодушно ответила провизор, не оценившая его юмор.

Миша потратил на «Ниагару» ползарплаты. Любовный стимулятор был недешев.

Афродизиак подействовал! Миша принял его вечером того же дня. И все получилось! На радостях Миша ударно отработал за все случаи позорного любовного простоя. Раечка улетела на седьмое небо.

Она затихла у него на груди (ходившей ходуном), ласково ворковала и не сразу обратила внимание, что с Мишей неладно. Села на кровати, посмотрела на него и мгновенно испугалась. Лицо Миши, бледное до зелени, искажено гримасой страшной боли, рот открыт, губы лилового цвета. К потному лбу прилипли волосы, в глазах – ужас смерти. Этот ужас ни с чем не спутаешь. Миша дышал судорожно и часто, одну руку прижал к груди, второй захватил горло.

– Милый, что с тобой? – перепуганно тряслась Рая.

– Больно, – прохрипел он. – Очень больно, тут, в груди, и горло... душит...

Рая заметалась по комнате, бросилась на кухню, принесла воды. Сообразила, что нужно вызывать «скорую», и схватила телефон.

Ей совершенно верно (после того как выслушали симптомы и заверили, что карета едет) рекомендовали дать мужу таблетку нитроглицерина под язык. Классический случай инфаркта миокарда. Но в «скорой» не могли знать, что несколько часов назад Миша выпил «Ниагару». И Рая не имела об этом понятия, как и о предостережении провизора, продавшей Мише лекарство.

Наставление было следующим: ни в коем случае не принимать вместе с нитроглицерином. Смертельное сочетание!

Действительно, уже немалое кладбище набралось мужчин, подхлестнувших свою потенцию виагрой (одна масть с «Ниагарой»), а до или после любовного акта подстраховавших сердце нитроглицерином. Но Рае подобные детали были неведомы! Разве могла она своей рукой отправить Мишеньку на тот свет?

Когда приехала «скорая», Миша был совсем плох. Врач и сестра велели Рае удалиться на кухню. Они сделали электрокардиограмму и быстро поняли, что дело швах, до больницы мужика не довезти, да и там ему не помогут. Пациент в состоянии клинической смерти, реанимационные мероприятия в течение десяти минут результата не дали. Все, мозг умер, значит, умер и человек.

– Она ему кто? – тихо спросил врач. – Дочь?

– Не, жена или любовница, – так же тихо ответила сестра. – Не видите? Мужик без трусов и сама она в халате на голое тело. Ясно, чем занимались?

– А что? Умереть в любовной баталии! Достоинно!

– Так все одно – умереть. Пошли позовем ее, пусть простится.

Рая, услышав роковой приговор медиков, обезумела. Прибежала в комнату с воем и плачем, схватила бездыханное тело Миши и принялась трясти:

– Нет! Не оставляй меня! Ты не должен умирать!

Врач и сестра поменялись с Раей местами, теперь они ушли на кухню, закурили. Нужно было подождать, дать вдове нареветься и вколоть ей успокоительное. И еще один вопрос. Они мертвых в морг перевозить не обязаны. Но за особую плату... Намекнуть можно было после успокоительного.

Если бы Рае в эту минуту предложили отдать свою жизнь в обмен на Мишину, она бы ни секунды не сомневалась. Голову, сознание разрывал страх возможной утраты, и еще сверлила глупая надежда: есть выход, ты просто не можешь его найти. Думай!

В полубезумном порыве Рая подскочила к серванту и схватила с полки «Мужское молодильное», вынесенное из квартиры тетушки. Полиэтиленовая крышка на майонезной банке сидела прочно, не хотела поддаваться. Рая сорвала ее зубами. И стала вливать коричневую

жидкость в раскрытый, страшно, по-покойнически развернутый Мишин рот. Первая порция вылилась обратно, Миша не глотал.

– Умоляю тебя! Хоть капельку, выпей! Вдруг поможет? Господи, заставь его сделать глоток!

Ее молитвы были услышаны. Миша чуть заметно кашлянул, Рая повыше подняла его голову. Один глоток, второй... Глаза у Миши были закрыты, но он постепенно, медленно принял все содержимое баночки. На дне остался только прилипший осадок.

Миша глубоко вздохнул и стал заметно преображаться. Ушла смертельная бледность с лица, порозовели губы, он дышал медленно и тихо. Но дышал!..

– Курите? – гневно спросила Рая, придя на кухню. – А лечить кто будет?

Врач и сестра понативно переглянулись: у девушки психический срыв.

– Вы не волнуйтесь, – голосом доброго Айболита сказал врач, – сейчас мы вам сделаем маленький укольчик.

Айболит был высокого роста, голубоглаз и приветлив. Но от него ощутимо несло спиртным!

– Мне не требуются никакие уколы! Почему вы не оказываете помощь моему мужу?

– Ему уже никто не поможет, – ответила сестра.

– Ошибаетесь! Он пришел в себя! Идите и посмотрите!

Они, конечно, пошли посмотреть. Исклчительно, чтобы собрать свои вещи, подготовить инъекцию...

И каково же было изумление! На кровати, на нескольких подушках, полулежал умерший пациент. Смотрел на них и хлопал глазами! Врач и сестра окаменели от изумления. Это было абсолютно невозможно! Первым пришел в себя врач. Он приблизился к Мише, показал на коричневые потеки на его подбородке и спросил:

– Его тошнило?

– Да, тошнило, – ответила за Мишу Рая. – Вырвало, и сразу стало легче.

– Кардиограмму! – приказал врач сестре.

Когда из аппарата выползла бумажная лента, врач быстро оторвал ее и сравнил с другой лентой, с первой кардиограммой, сделанной полчаса назад. Ему захотелось немедленно выпить! Ударить себя по мозгам, очнуться, разогнать морок того, что не может быть ни при каких обстоятельствах!

– Присядьте! – Сестра участливо подтолкнула ему под колени стул.

Она увидела, что доктор на грани обморока. А сама не очень удивилась: чего в жизни только не случается. Врач рухнул на стул.

– Как вы себя чувствуете? – спросила сестра Мишу.

– Благодарю вас, кажется, неплохо.

– Вот и славненько! А то было напугали нас. Хорошо все, что хорошо кончается. Сейчас мы послушаем ваше сердечко. Доктор, послушаем? – спросила она тихо, но с нажимом. – Василий Иванович, аппарат мог барахлить. Придите в себя! – добавила шепотом.

– А? Что? – потряс головой врач. – Что мы делаем?

– Вставляйте в уши фонендоскоп и слушайте его сердце, – сквозь зубы, чтобы остальным не было слышно, подсказала сестра.

– Конечно, сейчас!

Доктор послушал сердце Михаила и вновь рухнул на стул. Лицо Василия Ивановича искажилось детской плачущей гримасой: – Ничего не понимаю! Это невозможно! Так не бывает! Абсурд!

Сестра шагнула вперед, спиной загородила от Раи и Михаила растерянного доктора.

– Госпитализироваться будем? – спросила она.

– Нет, нет! – замахал руками Миша.

– А может, стоит? – засомневалась Рая. – Обследоваться не помешает.

– Обследоваться можно и амбулаторно, – сказала сестра.

– Лучше амбулаторно! – подхватил Миша, который ненавидел больницы с их запахом и обстановкой.

Врач по-прежнему оторопело безмолвствовал. Сестра собирала чемоданчик и озвучивала банальные рекомендации. Питаться регулярно, ограничить соль, сахар, мучное и жирное, больше проводить времени на свежем воздухе, также полезна лечебная физкультура...

– Какая на хрен лечебная физкультура? – проговорил доктор. – У него двадцать минут сердце не билось! А сейчас... сейчас...

Сестра подхватила его под локоть, оторвала от стула и поволокла на выход. Выглядело несколько потешно: маленькая женщина буксирует верзилу.

– Если что, вызывайте! – повернув голову назад, через плечо попрощалась медсестра.

На лестничной площадке она хорошенько встряхнула доктора:

– Да приди ты в себя! (В отсутствии больных они были на «ты».) Что такого случилось? Врачебной ошибки нет. Жив-здоров человек и к нам без претензий.

– Он не может быть жив! – упорствовал Василий Иванович.

– Заладил! Своими глазами видели. Ну, техника подвела или слушал ты плохо. Подумай!

– Нормально я слушал, и аппарат исправен. А мужик обязан быть покойником, трупом!

– Вася! Живой лучше, чем труп, верно? Так и чего расстраиваться?

Медсестра относилась к тому типу людей, которых чрезвычайно трудно или вовсе невозможно удивить. Познакомь ее с зелененьким человечком, с инопланетянином – не поразится, только спросит: «Вегетарианец? Травой питается? Ишь, какой зеленый!»

И для Василия Ивановича, который мог бы поклясться, что присутствовал при абсолютно ненаучном воскрешении из мертвых, тупоголовая уверенность медсестры в обыденности случившегося имела большое терапевтическое значение. Иногда для психики бывает полезно, чтобы рядом оказался человек, глухой и равнодушный к чудесам и небывальщине.

– Надо выпить! – подвел итог сомнениям доктор, когда они выходили из подъезда.

– Ты же принял перед дежурством. Впрочем, хорошо, тебе надо расслабиться, – согласилась сестра. – Сейчас своим звякну, чтобы вызов сделали. У меня такой борщ сварен! Обедение! А бутылка с тебя.

Через несколько минут они получили вызов на квартиру, где проживала медсестра с семьей, и отправились туда на поздний ужин с борщом. По дороге притормозили, и доктор купил в ночном ларьке бутылку водки.

Глава 6

Михаил чувствовал себя превосходно

Наутро Михаил чувствовал себя превосходно, будто и не было тяжелого приступа. А в последующие дни его здоровье только укреплялось. Рая не стала рассказывать, что поддалась безумному порыву, влила в умирающего Михаила шарлатанское зелье. Неловко и стыдно признаться. Да и где уверенность, что именно «молодильное» подействовало? А может, прими Михаил в тот момент стакан холодного чая, и последовал бы аналогичный эффект? Рая и Михаил скептически относились к народной медицине, всем этим приговорам-заговорам, травяным настойкам. Миша однажды хохотал, по дивану катался, прочитав в газете объявление целителя: «Купирую энергетический хвост». И потом про всякую глупость или несурязицу говорил: «Ну, это энергетический хвост!»

Он выздоровел чудесным образом, рассуждала Рая. Насколько чудесным – дело врачей разобраться. Современная медицина еще далека от совершенства, поэтому нередко доктора разводят руками, когда человек внезапно умирает. Точно так же они могут проявлять недоумение, когда смертельно больной пациент внезапно выздоровеет.

И все-таки тот роковой припадок не прошел для Миши даром. У него появились проблемы с памятью. Поначалу Рая не придавала им значения. Подумаешь, перепутал человек, забыл, что сегодня понедельник, а не суббота, десятое, а не восьмое число.

– Обожаю в выходной поваляться подольше в постели, – сладко потягивался Миша.

– Милый, нынче понедельник! И тебе в десять экзамены принимать. Запомятовал?

– Ошибаешься, котенок. Суббота! Честно выстраданная и заслуженная. Иди в кроватку, а? Ты почему уже оделась как на работу?

– Мишенька, нам действительно нужно на работу!

Они немного поспорили, позвонили на кафедру, там секретарь подтвердила: понедельник, экзамены, студенты уже пришли. Миша подскочил и пулей полетел в ванную бриться.

Прошла неделя, и Миша снова высказал странную забывчивость.

– Вечером пойдем покупать тебе сапожки, – сказал он во время завтрака.

– Но мы их купили на прошлой неделе! – удивилась Рая.

– Как купили? – в свою очередь поразился Миша. – Только вчера зарплата была.

– Дорогой! Скажи, какое сегодня число и какой день недели?

– Одиннадцатое января, вторник, – покровительственно улыбнулся Миша.

– Нет! – покачала головой Рая. – Уже девятнадцатое, среда.

– Котик! Кто у нас перетрудился на любовном фронте?

Рая тон не поддержала. Принялась расспрашивать:

– Ты помнишь, что вчера принимал экзамены?

– Отлично помню!

Рая облегченно вздохнула, но тут же похолодела от дурных предчувствий.

– Механики, третий курс, сдавали инженерную графику, – сказал Миша.

– Механики были неделю назад! А вчера – технологи, второй курс.

– Не может быть, ты оши...

– Я не ошибаюсь! Скажи, ты помнишь, как в воскресенье мы гуляли в парке?

– Разве?

– Нам еще встретился твой школьный приятель Сева, ты представил меня как свою новую жену.

– Севу помню... в общем помню, но чтобы встретились?..

– А в пятницу на прошлой неделе? Я сделала пиццу с курицей, и ты назвал ее пицца с птицей.

- С птицей? – недоуменно переспросил Миша.
- В среду было заседание кафедры, на котором я читала доклад.
- Уже было?
- В прошлый вторник ты чистил картошку и порезал палец. Так?
- Не помню.
- Посмотри на свою руку! Там свежий рубец!

Миша покрутил ладони перед глазами, показал их Рае. Никаких следов порезов не наблюдалось.

– Не может быть! – прошептала Рая. – Ведь у тебе распухло, воспалилось! Куда все делось?

- Малыш! У одного из нас проблемы с календарем. Похоже, что не у меня.
- Но я совершенно уверена! Точно знаю! Я тебе докажу!

Рая схватила телефонную трубку, набрала номер подруги и потребовала, чтобы та сказала, какой сегодня день. Рая быстро приставила трубку к уху Михаила.

- Девятнадцатое января, среда, – услышал он недоуменный голос.
- Вы уверены?
- Конечно. А кто это говорит?

Рая выхватила у него трубку и швырнула на рычаг.

- Миша! Куда исчезли восемь дней твоей жизни? Почему они исчезли из твоей памяти?
- Ты меня спрашиваешь? Нет, я все-таки уверен, что не забыл...

Такая простая вещь – число года и день недели. А как их узнать? Календарь настенный не помощник, в нем все даты, кроме красных, одинаковы. Пришлось звонить приятелям и задавать глупый вопрос.

Рая оказалась совершенно права! И Миша никак не мог объяснить, что за странная амнезия отняла у него почти десять дней. Точно корова языком слизнула.

На следующий день, едва Миша разлепил глаза, Рая его спросила:

- Какой сегодня день?

Страхнув остатки сна, Миша притворно пафосно изрек:

– Двадцать пятое октября семнадцатого года. Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!

- Что-о-о? – не поняла юмора Рая.

– Шутка. Чего ты испугалась? Сегодня первое января нового, две тысячи пятого от Рождества Христова года.

Рая откинулась на подушку. Уставилась в потолок. В отчаянии и бессилии.

- Маленький, что с тобой? Плохо себя чувствуешь?
- Со мной все в порядке, – пробормотала Рая.

– Знаешь, я вспомнил, как в детском саду воспитательница, чтобы облегчить себе жизнь, коллективно отправляла нас в туалет. Объявляла игру: а сейчас, дети, все вы – кролики (или зайчики, или мишки, или клоуны). Кто не пописал, тот не кролик (зайка, мишка, клоун)! И мы неслись в туалет. Хочу быть первым кроликом! – воскликнул Миша, вскочил и побежал в туалет.

Рая не улыбнулась. Она это уже слышала. Именно первого января, наутро после романтической встречи Нового года вдвоем с любимым.

- Ты чем-то встревожена? – спросил Миша, вернувшись из ванной.

Рая не высказывала обычной страстности, готовности предаться любовным утехам, была задумчива и неотзывчива.

- Ты только не волнуйся, – сказала она. – Пойдем завтракать, я все тебе объясню.

Миша загрустил, приготовился выслушать неприятное известие о ее беременности. И никак не мог предположить, что Рая примется доказывать, будто почти месяц жизни вылетел из его памяти.

Снова повторилось – вопросы о прошедших событиях и недоуменные ответы. Мишина уверенность, что его разыгрывают. Раино отчаяние, никак не подходящее к теории розыгрыша. И опять – звонки приятелям с нелепым вопросом о дате. А как еще узнать, в какой календарный день мы живем? Мишина растерянность, Раины утешения...

Самое обидное заключалось в том, что обрушившаяся на Мишу амнезия с каждым днем набирала силу. Если сначала из памяти у него стирались дни, то потом недели и месяцы. И при этом он чувствовал себя замечательно здоровым! Просто он просыпался утром – Михаил Александрович Кутузов образца ноября две тысячи четвертого года, со всем предыдущим опытом, знаниями и полным неведением того, что жизнь унеслась вперед и сейчас февраль две тысячи пятого. Сам Миша в той жизни якобы участвовал, но страницы книги вырваны, сожжены и никакого способа узнать, что на них было написано, без помощи Раи не имелось.

Она потеряла покой. Провела в Интернете много часов, пытаясь отыскать случаи, подобные Мишиному. Таковые не нашлись. Но выяснилось, что после клинической смерти (по словам врача «скорой», Миша находился в подобном состоянии несколько минут) могут происходить необратимые процессы в мозге. Пятнадцать минут остановки сердца – и умирает большой кусок мозга; человек, возвращенный к жизни, превращается в тупое растение, которое кормят через трубочку, введенную в пищевод. Так случилось с американкой Тери Шиава. Из-за врачебной ошибки у молодой женщины остановилось сердце, а когда его запустили, мозг наполовину умер. Пятнадцать лет Тери лежит в клинике, ее кормят через зонд. Холодея от страха, Рая рассматривала фото: Тери Шиава – молодая красивая женщина, только замуж вышла, и она же сегодня – коротко стриженные волосы, дебильное лицо, скрюченные руки-лапки. Муж Тери требует, чтобы прекратили издевательство, отключили питание. Родители против, не хотят, чтобы их дочь, пусть глубокий инвалид, умерла от голода. Муж и родители судятся, вся Америка обсуждает дело Тери Шиава, общество раскололось на два лагеря – сторонников и противников эвтаназии, те и другие выходят с плакатами на демонстрации...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.